

Кончено! / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Кончено! / рассказ КОНЧЕНО!

Граф де Лормерен оделся. Он бросил последний взгляд в большое зеркало, занимавшее целый простенок гардеробной, и улыбнулся. В самом деле, он был еще достаточно красив, хотя и совсем поседел. Высокий, стройный, элегантный, без признаков брюшка, с худощавым лицом и острыми усиками того неопределенного цвета, который мог сойти и за белокурый, он выделялся своими манерами, благородством, воспитанностью, шиком, словом, чем-то таким, что больше отличает одного человека от другого, нежели обладание миллионами.

Он пробормотал:

– Живем еще, Лормерен!

И вошел в гостиную, где его ожидала корреспонденция.

На столе, где каждый предмет занимал отведенное ему место, на этом рабочем столе никогда не работающего светского человека, рядом с тремя газетами разного направления лежало около десятка писем. Одним движением руки он раскинул конверты веером, как игрок, предлагающий выбрать карту, и взглянул на почерк, как делал это каждое утро, прежде чем вскрыть письма.

Это была приятная минута ожидания, догадок и смутной тревоги. Что принесли эти загадочные листки, скрытые пока в конвертах? Что сулили они: удовольствие, счастье или огорчение? Он окидывал их быстрым взглядом, узнавая почерк, и делил письма на две – три группы, смотря по тому, чего ожидал от них. Вот эти – от друзей, те – от людей, безразличных для него, а эти – от незнакомых. Письма от незнакомых всегда его немного волновали. Что им надо? Чья рука начертала эти причудливые буквы, полные мыслей, обещаний или угроз?

В этот день одно письмо привлекло его внимание. Оно было простенькое, ничем не отличалось от остальных, но граф разглядывал его с беспокойством, с какой-то дрожью в сердце. Он подумал: «От кого бы это? Почерк я, несомненно, видел, но

где, не помню».

Не решаясь вскрыть письмо, он поднес его к глазам, осторожно держа двумя пальцами, и попытался прочесть сквозь конверт.

Затем он понюхал его и взял со стола маленькую лупу, чтобы рассмотреть все особенности почерка. Он нервничал. «От кого это? Почерк мне знаком, хорошо знаком. Я часто получал письма, написанные этим почерком, да, очень часто. Но, должно быть, это было давным-давно. От кого же, черт возьми, это может быть? Да что там! Наверное, какая-нибудь просьба о деньгах».

Он разорвал конверт и прочел:

«Дорогой друг, вы, без сомнения, забыли меня, так как мы не виделись уже двадцать пять лет. Я была молода, теперь я старуха. Мы расстались, потому что я покинула Париж, переехав в провинцию со своим мужем, старым мужем, которого вы прозвали «моей больницей». Помните ли вы это? Он умер пять лет назад, и теперь я вернулась в Париж, чтобы выдать замуж дочь – ведь у меня есть дочь, красивая восемнадцатилетняя девушка; вы ее еще никогда не видели. Я известила вас о ее появлении на свет, но вы, конечно, не обратили внимания на столь незначительное событие.

А вы, говорят, все тот же красавец Лормерен... Если вы еще помните маленькую Лизу – вы называли ее Лизон, – то приезжайте сегодня пообедать с нею, со старой баронессой де Ванс, по-прежнему верным вашим другом. С волнением и радостью протягивает она вам свою руку, которую надо только пожать, а не поцеловать, бедный мой Жакле...

Лиза де Ванс».

Сердце Лормерена забилося. С остановившимся взглядом он сидел в кресле, охваченный столь мучительным волнением, что на его глаза навернулись слезы; прочитанное письмо лежало на коленях. Если он когда-нибудь в жизни любил, то лишь ее, маленькую Лизу, Лизу де Ванс, которую он прозвал «Пепельным цветком» за необычайный цвет волос и светло-серые глаза. О, каким изящным, хорошеньким, прелестным созданием была эта хрупкая баронесса, жена подагрического, угреватого старика-барона, который внезапно увез ее в провинцию и заточил там, точно узницу,

приревновав к красавцу Лормерену.

Да, граф любил ее и был любим, как ему казалось. Она запросто звала его Жакле и так мило произносила это имя...

Тысячи забытых воспоминаний возникали в его голове, далекие, сладостные, а теперь такие грустные. Однажды вечером она была у него после бала, и они поехали в Булонский лес: она – декольтированная, он – в простой домашней куртке. Стояла весна, было тепло. Нежный запах ее корсажа, ее кожи наполнял воздух благоуханием. Какой дивный вечер! Когда они подошли к озеру, освещенному льющимся сквозь ветви лунным светом, она заплакала.. Немного удивленный, он спросил, о чем она плачет.

– Не знаю, – ответила она, – луна и озеро меня умилили. Когда я вижу что-нибудь очень поэтичное, сердце у меня сжимается, и я плачу.

Он улыбнулся, тоже растроганный, находя и глупым и очаровательным это наивное волнение женщины, милой маленькой женщины, принимающей так близко к сердцу все свои переживания.

И он страстно поцеловал ее, прошептал:

– Малютка Лиза, ты прелесть!

Как чудесна была эта любовь, нежная и короткая, и как быстро она кончилась, оборванная в самом разгаре этой скотиной, старым бароном, который увез жену и с тех пор никому ее не показывал.

Он, Лормерен, черт возьми, забыл ее через две – три недели. У холостяка в Париже женщины так быстро сменяют одна другую! Но все-таки уголок его сердца всегда принадлежал ей, ибо, кроме нее, он не любил никого. Теперь граф отдавал себе в этом ясный отчет.

Он встал и громко сказал: «Конечно, я поеду к ней обедать!» И инстинктивно повернулся к зеркалу, чтобы окинуть себя взглядом с ног до головы. Он подумал: «Она, наверное, сильно постарела, больше, чем я...» И в глубине души он был доволен, что она увидит его все еще красивым, крепким, будет удивлена, может быть, тронута и пожалеет об этих миновавших, далеких, таких далеких днях!

Он просмотрел остальные письма. В них не было ничего особенного.

Весь день он думал об этой тени прошлого. Какой же стала теперь Лиза? Забавно встретиться через двадцать пять лет! Да узнает ли он ее?

Граф оделся с чисто женским кокетством, выбрал белый жилет, который шел ему больше, чем черный, позвал парикмахера завить волосы, – они у него хорошо сохранились, – и выехал из дому очень рано, чтобы его поспешность была оценена.

Первое, что он увидел, войдя в изящную, заново обставленную гостиную, был его собственный портрет, старая выцветшая фотография времен его успехов, висевшая на стене в красивой рамке, обтянутой старинным шелком.

Лормерен сел и стал ждать. Наконец за его спиной отворилась дверь; он порывисто встал, обернулся и увидел старую, седую даму, протягивавшую ему обе руки.

Он схватил их и долго целовал одну за другой; затем, подняв голову, взглянул на свою бывшую подругу.

Да, это была старая дама, старая незнакомая дама; ей хотелось плакать, но она улыбалась.

Не удержавшись, он пробормотал:

– Вы ли это, Лиза?

Она ответила:

– Да, это я, это я... Вы бы не узнали меня, не правда ли? Я перенесла столько горя, столько горя... Оно сократило мою жизнь... Вот какая я теперь... Смотрите... или лучше не надо... не смотрите... Но как вы еще красивы... и молоды... Если бы я встретила вас случайно на улице, то сразу же закричала бы: Жакле!

Теперь сядем, поговорим. Потом я позову мою дочку, мою уже большую дочь. Увидите, как она похожа на меня... или, вернее, как я была похожа на нее... нет, опять не то! Она совсем такая, какую я была когда-то, вот увидите! Но мне хотелось сначала побыть с вами вдвоем. Я боялась, что буду волноваться в первые минуты. Это уже прошло... Садитесь же, мой друг!

Лормерен сел возле нее, держа ее за руку, но не знал, что сказать. Эта дама была ему незнакомая; казалось, он никогда ее не видел. Зачем он приехал в этот дом? О чем он мог говорить? О прошлом? Но что общего между «ими»? Он ничего не мог вспомнить, глядя «а лицо этой старухи. Исчезли все

воспоминания, и сладкие, и милые, и трогательные, и мучительные, еще недавно нахлынувшие на него с такой силой, когда он думал о другой, о малютке Лизе, о нежном «Пепельном цветке»... Что случилось с тою? С прежней, любимой? С его далекой гретой, со светловолосой молодой сероглазой женщиной, которая так мило звала его Жакле?

Они неподвижно сидели рядом, смущенные, испытывая неловкость, охваченные тяжелым чувством.

И так как они обменивались лишь банальными, отрывочными и медлительными фразами, она поднялась и дернула шнурок звонка.

– Я позову Ренэ, – сказала она.

Послышался звук отворяющейся двери, затем шелест платья, и молодой голос воскликнул:

– Вот и я, мамочка!

Лормерен растерялся, будто увидел привидение. Он пробормотал:

– Здравствуйте, мадмуазель...

И повернулся к матери:

– О, это вы!..

В самом деле, это была она, прежняя Лиза, исчезнувшая и теперь вернувшаяся! Он снова видел ее точь-в-точь такую, какую ее отняли у него двадцать пять лет назад. Только эта была еще моложе, свежее, еще больше походила на ребенка.

Его охватило безумное желание снова сжать ее в объятиях и прошептать на ушко:

– Здравствуй, Лизон!

Слуга доложил:

– Кушать подано!

И они перешли в столовую.

Как прошел этот обед? Что ему говорили, что он отвечал? Он был словно в каком-то странном сне, близком к безумию. Он смотрел на обеих женщин, и в его мозгу вертелась одна и та же мысль, назойливая, как мысль душевнобольного:

«Которая же из них настоящая?»

Мать улыбалась, беспрестанно повторяя:

– Вы помните, вы помните?

Но воспоминания воскресали, лишь когда Лормерен глядел в ясные глаза девушки. И много раз он открывал рот, чтобы спросить: «А

помнишь, Лизон?», – забывая об этой седой даме, растроганно глядевшей на него.

Между тем иногда он чувствовал себя сбитым с толку и терялся, замечая, что нынешняя Лизон не совсем похожа на прежнюю. В голосе, взгляде, во всем существе той, прежней, было что-то такое, чего он уже не находил. Он делал невероятные усилия, стараясь вспомнить свою подругу и уловить то, что ускользало от него, чего не было у этой воскресшей Лизы.

Баронесса сказала:

– Вы утратили веселость, мой бедный друг!

Граф пробормотал:

– Я утратил и многое другое!

Но он чувствовал, что в его взволнованном сердце возродилась былая любовь, точно его больно укусил проснувшийся зверек.

Молодая девушка болтала, и порой знакомые интонации, перенятые ею любимые слова матери, манера говорить, образ мыслей, это внешнее и внутреннее сходство, приобретаемое благодаря совместной жизни, приводило Лормерена в трепет. Все это вторгалось в его душу и растравляло раскрывшуюся рану его страсти.

Он поспешил распрощаться и прошелся по бульварам. Но образ девушки не покидал его, преследовал, ускорял биение его сердца, воспламенял его крови. Вдали от обеих женщин он видел теперь только одну, молодую, прежнюю, вернувшуюся, и любил ее, как любил когда-то. Лормерен любил ее даже сильнее после этой двадцатипятилетней разлуки.

Он вернулся домой, размышляя об этом странном и роковом случае, спрашивая себя, что теперь делать.

Когда со свечой в руке он проходил мимо зеркала, мимо большого зеркала, в которое смотрелся перед отъездом, любясь собою, – он увидел в нем пожилого мужчину с седыми волосами. И вдруг он вспомнил, каким был некогда, в дни юности Лизы: молодым, очаровательным, таким она его любила! Граф поднес свечу ближе и стал рассматривать себя, как разглядывают в лупу что-нибудь странное. И он увидел свои морщины, обнаружил разрушительные перемены, которых прежде не замечал...

Подавленный, он опустился в кресло перед зеркалом и, глядя на

себя, на свое жалкое отражение, пробормотал:

– Кончено, Лормерен!

* * *

Напечатано в «Голуа» 25 июля 1885 года. Новелла представляет собою первый набросок темы, которую Мопассан развернул в романе «Сильна как смерть».

Ги де Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10.

Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958

Перевод Валентина Дмитриева. Некаýalar